

О.Н. Трueвцева

МУЗЕЙНАЯ СЕТЬ ПОСЛЕВОЕННОЙ СИБИРИ

В рамках данной статьи автор обращает внимание на формирование музейной сети в послевоенный период на территории Сибири. На основе анализа документов центральных и региональных архивов автор показывает сложившуюся к середине века экономическую ситуацию, характерную для большинства сибирских музеев: обветшавшие за годы войны здания, а часто и их отсутствие, разрушенные или свернутые до минимума экспозиции, дефицит квалифицированных кадров. Однако, несмотря на все трудности послевоенного времени, последующие реорганизации, переуплотнения, укрупнения и «разукрупнения», объединения и децентрализации, большинство из названных музеев не только не прекратили своего существования, потеряли свою значимость, но сохранились и до наших дней.

Ключевые слова: музеи, музейная сеть, экспозиционная, выставочная деятельность, фонды музейные.

O.N. Truevtseva

MUSEUM NETWORK AFTER THE POSTWAR IN SIBERIA

In this article the author pays attention to the formation of the museum network in the postwar period in Siberia. On the basis of the analysis of the documents of the central and regional archives, the author shows established by mid-century the economic situation, typical for the majority of Siberian museums: dilapidated during the war the building, and often the lack of them, destroyed or curtailed to the minimum exposure, the shortage of qualified personnel. However, despite all the difficulties of the postwar period, subsequent to the reorganization, conversion, enlargement and «unbundling», the unification and decentralization, most of these museums are not only not ceased its existence, has lost its significance, but has survived to our days.

Key words: museum, museum network, exposition, exhibition activities, the museum funds.

Государственная политика в области музейного, как, впрочем, и всего культурного строительства, в послевоенные годы формировалась под воздействием двух противоречивых процессов: с одной стороны, переход к мирной жизни, с другой – вхождение в период «холодной войны».

Если первый, самый естественный и долгожданный процесс сопровождался возвращением к мирному труду миллионов людей, восстановлением народного хозяйства, учреждений образования и культуры, то второй – сдерживанием демилитаризации экономики, обострением идеологической борьбы не только на международной арене, но и внутри страны, мобилизацией учреждений культуры на борьбу с идейными противниками.

Оба этих фактора предопределили основные направления музейной политики государства и её содержание: восстановление музеев, оказавшихся в зоне оккупации, ремонт зданий всех прочих музеев, обветшавших за годы войны, поиск разграбленных врагом ценностей, инвентаризация фондов музеев, вернувшихся из эвакуации, возвращение музейных помещений, занятых под военные нужды, восстановление и создание новых экспозиций.

Сибирь, несмотря на колоссальные людские потери в годы Великой Отечественной войны, быстрыми

темпами наращивала свой экономический потенциал. К 1950 году, по сравнению с довоенным временем, её удельный вес в общем объёме промышленной продукции страны возрос почти вдвое, значительно увеличился и объём сельскохозяйственного производства, восстанавливалась и укреплялась материальная база учреждений культуры [1].

Музейная сеть Сибири в 1945 году являла собой весьма печальную картину. При этом дело заключалось не только в том, что в ней числилось всего 47 музеев [2]. Благополучнее других областей, на первый взгляд, выглядел Красноярский край, на который приходилась треть всех сибирских музеев. Однако семь из пятнадцати зарегистрированных учреждений были домами-музеями ссыльных большевиков, а Енисейский, Игарский и Эвенкийский музеи были закрыты на ремонт. На грани закрытия из-за непригодности помещений были Абаканский и Ачинский музеи. Немногим лучше было положение и в других музеях: в связи с отсутствием средств на ремонт многие экспозиции были свёрнуты [3].

Огромные трудности испытывал и Красноярский краевой краеведческий музей. Законсервированный в ноябре 1941 года, он был вновь открыт лишь через четыре года. За это время находившиеся в этом здании эвакуированные учреждения довели его до состояния

полной непригодности: протекающая крыша, покрытые грибок стены, разбитый цементный пол, отсутствие стекла в половине окон – всё это позволило открыть для посетителей лишь небольшие экспозиции отделов природы и истории и этнографическую выставку. Ремонт удалось провести только в 1947 году, благодаря развернувшейся массовой подготовке к празднованию 30-летия Октябрьской революции [4].

Сложным было положение и в других краях и областях. В Новосибирской области, имевшей всего два музея, работа была свёрнута практически полностью: Куйбышевский музей был закрыт на ремонт, а фонды областного, из-за отсутствия здания, были опечатаны, и вся деятельность его сотрудников сводилась к организации выставок и чтению лекций [5].

Не было помещения и у Кемеровского областного краеведческого музея. В области работали лишь Сталинский (с 1961 г. – Новокузнецкий) и Ленинск-Кузнецкий музеи. В Тюменской области были закрыты на ремонт Ямало-Ненецкий и Ишимский музеи, в Томской – Нарымский, в Тувинской – Кызыльский краеведческий музей. Сторонними организациями были заняты отдельные помещения Омского, Томского областных краеведческих музеев (в здании последнего в годы войны размещались педагогический институт и военное училище), Бийского городского и других музеев Сибири [6].

Восстановление запущенной за годы войны материально-технической базы музеев осуществлялось медленно. Несмотря на значительное увеличение объёма выпуска строительных материалов, учреждения культуры Сибири ощущали острую нехватку самого необходимого для ремонта: пиломатериала, гвоздей, краски. В условиях централизованного снабжения основные поставки направлялись на восстановление западных районов страны и промышленные новостройки Сибири. Музеи к объектам повышенного внимания властей не относились и поэтому, даже располагая скудными бюджетными средствами, были не в состоянии обеспечить ремонт. Выручало лишь непосредственное обращение директоров музеев к партийным, советским руководителям краёв и областей накануне революционных праздников и идеологических кампаний, например, выборы в Верховный Совет, когда музеи востребовались как инструмент пропаганды [7].

Весьма красноречиво иллюстрируют бюрократическое отношение к нуждам учреждений культуры эмоциональные строки из выступления директора Усть-Ордынского краеведческого музея на Иркутском областном совещании культпросветработников в июле 1947 г.: «У нас есть райплан, облплан, но вы у них даже гробовой доски не добьётесь, не говоря о фанере или краске... Приходится столярный клей выписывать из Москвы... Война кончилась, надо строить, надо брать за культуру. А у нас бюрократизм – хуже гнёта» [8].

Экономические тяготы послевоенных лет усугубили и без того трудную судьбу провинциальных музеев.

В 1946 году после четырёх переездов из одного здания в другое, казалось бы, обрёл достойное пристанище в центре г. Ачинска краеведческий музей, основанный в конце XIX в. Открытый к выборам в Советы, он вскоре вновь вынужден был переехать в более скромное здание, уступив своё прежнее горсовету. Переезд музея, располагающего многотысячными фондами, – всегда дело непростое. А если учесть, что за два послевоенных года в Ачинском музее сменилось три директора, нетрудно представить себе его последствия.

«Маленькие трагедии» провинциальных музеев – не редкость для послевоенного времени. Гораздо реже можно было услышать в то время голоса, обращённые в их защиту. Особенно удивительно, что один из них принадлежал чиновнику того же Ачинского горисполкома, который в справке, адресованной в Комитет по делам культурно-просветительных учреждений при Совнарком РСФСР, писал: «Видно, такова уж участь Ачинского музея, что всякое общественное потрясение отражается, прежде всего, на его состоянии... Будущие поколения никогда не простят того, что с музеем обращались небрежно и растеряли ценнейшие коллекции и экспонаты, воссоздать которые теперь вряд ли возможно» [9].

Многие беды проистекали не только из-за нехватки средств на поддержание материально-технической базы музеев. Весьма острым был дефицит квалифицированных кадров. В 1945 г. из 104 научных сотрудников сибирских музеев лишь 41 (39,4 %) имели высшее образование. Штаты многих музеев были не укомплектованы [10].

Однако время брало своё, и, вопреки всем лишениям и трудностям, благодаря самоотверженному труду музейных работников, Сибирь вступила во вторую половину XX века с восстановленной и даже несколько расширившейся музейной сетью.

Наиболее значительное количество музеев (17) было в Красноярском крае. Правда, лишь 9 из них были краеведческими: Красноярский краевой, Абаканский, Ачинский, Енисейский, Игарский, Канский, Минусинский, Таймырский, Эвенкийский. Остальные (за исключением дома-музея В.И. Сурикова) – мемориальные дома-музеи, расположенные в местах ссылки большевиков, обладавшие весьма скудными фондами, преимущественно копиями материалами.

Ведущее место по праву занимал краевой краеведческий музей, имевший к тому времени в своих коллекциях свыше 211 тысяч предметов; один из немногих не только в Сибири, но и в России музеев, расположенных в специально построенном для этой цели здании [11]. Широкою известностью имел и старейший в крае Минусинский музей, основанный известным исследователем Сибири Н.М. Мартыновым в 1877 году и насчитывавший в своих фондах около 120 тысяч экспонатов [12]. Енисейский и Ачинский музеи, основанные также в конце XIX в., в связи с обветшанием зданий, переездами утратили свою былую славу [13].

В Тюменской области, насчитывавшей шесть музеев, при общей их однородности (все – краеведческие) были существенные различия в количественном и качественном составе фондов, квалификации персонала, традициях. Тюменский музей, получивший областной статус лишь в 1944 году, весьма существенно проигрывал Тобольскому музею, основанному в 1870 году, расположенному в центре Тобольского Кремля в трехэтажном здании бывшего дома митрополита, имевшего богатейшую коллекцию рукописных и печатных книг, оружия, археологических и этнографических материалов [14].

Гораздо слабее были другие музеи. Основанный в 1902 году Ямало-Ненецкий краеведческий музей насчитывал немногим более тысячи экспонатов. О возможностях Ханты-Мансийского музея, открытого в 1934 году, можно судить по общей площади его помещений – 130 кв. метров, на которых размещались две экспозиции, посвященные советскому периоду истории, и фондохранилище, занимавшее комнатку в 10 кв. метров. Немногим лучше обстояли дела в Ишимском и Ялуторовском музеях, созданных в 20-е годы.

По четыре музея действовало в Алтайском крае, Иркутской, Томской и Читинской областях. Среди алтайских музеев заметно выделялся один из старейших в Сибири – краевой музей, основанный в Барнауле в 1823 году. Богатые естественнонаучные коллекции, многие из которых сохранились, несмотря на безответственное раздаривание сановным особам и различным учреждениям, представляли значительную культурную ценность и привлекали внимание посетителей [15]. Созданные в 1920-е годы Бийский, Каменский и Горно-Алтайский музеи к 1950 году ещё не успели обрести своего собственного «музейного лица».

В Иркутской области бесспорным лидером среди музейных учреждений был старейший в Сибири, основанный ещё в 1782 году, областной краеведческий музей, насчитывавший около 100 тысяч единиц хранения основного фонда, в том числе коллекции видных учёных Восточно-Сибирского центра Русского Географического Общества (РГО) Г.Н. Потанина, Н.М. Ядринцева, В.А. Обручева и др., расположенный в специально построенном в 1879 году каменном двухэтажном здании – памятнике архитектуры.

Усть-Ордынский окружной краеведческий музей, основанный в 1944 году и открытый двумя годами позже, фактически находился в стадии становления. Два других музея – Сталина в с. Новая Уда и Фрунзе в с. Манзурка, созданные в середине 30-х годов, представляли собой, по сути дела, агитационно-пропагандистские учреждения, строившие свою работу на копийных материалах и незначительном количестве бытовых предметов конца XIX века [16].

Весьма сложной была ситуация в Томской области. По составу фондов, содержанию научно-исследовательской работы музей истории материальной культуры, созданный в 1882 году при Томском университете, значительно превосходил областной му-

зей, основанный в 1920 году. Однако по своему предназначению он не являлся публичным, а выполнял преимущественно учебно-научные функции. Колпашевский музей, основанный в 1932 году в с. Парabelь и переведённый в 1936 году в райцентр, был в основном ориентирован на отображение истории Нарымской политической ссылки. Эту же тему развивали и дома-музеи Сталина (с. Нарым) и Свердлова (с. Максимкин Яр) [17].

Из четырёх музеев Читинской области реально работали областной и Нерчинский краеведческие музеи, созданные в конце XIX века. Сретенский районный музей был образован в 1947 году, а открытый в 1949 году дом-музей Чернышевского вскоре прекратил свою работу [18].

По три музея действовало в Бурятской, Кемеровской и Новосибирской областях. В Бурятии наибольшей известностью пользовался Кяхтинский краеведческий музей им. академика В.А. Обручева, основанный в 1890 году, имевший богатую коллекцию горных пород, палеонтологические, этнографические собрания, прославившийся в 40-е годы опытной работой на своём плодово-ягодном участке. К началу 50-х годов значительно укрепился основанный в 1923 году республиканский краеведческий музей, который после разбирательств и «оргвыводов», затянувшихся на десятилетие, был окончательно объединён с антирелигиозным музеем г. Улан-Удэ. Основанный в 1948 году, Бабушкинский краеведческий музей после безуспешных трёхлетних попыток развёртывания экспозиции так и не открылся, возродившись через 20 лет вначале на общественных началах, а затем как филиал республиканского музея [19, 20].

Музеи Кемеровской области: Сталинский, Ленинск-Кузнецкий и областной, созданные в 20-е – начале 30-х годов, не отличались богатыми фондами и традициями. То же самое можно сказать и о музеях Новосибирской области, с той лишь разницей, что краеведческим был лишь один из трёх – областной. Два других представляли собой мемориальные экспозиции, посвященные С.М. Кирову в Новосибирске и В.В. Куйбышеву в г. Куйбышеве. При этом если Дом-музей В.В. Куйбышева располагался в здании, где во время ссылки (1915 г.) действительно жил видный большевик В.В. Куйбышев, то дом-музей С.М. Кирова реальных оснований для существования в Новосибирске не имел.

В Омской области к началу 50-х годов фактически работал только областной музей, основанный в 1879 году. Дело в том, что открытый в 1931 году Тарский музей в 1953 году прекратил своё существование, возродившись лишь к концу 60-х годов вначале как общественный, а с 1970 года – как филиал областного. Некоторые музеи закрывались вскоре после открытия. Это произошло с основанным в Ульяновском районе в 1949 году мемориальным музеем известного сибирского садовода П.С. Комиссарова и с открытым в 1953 году на станции Марьяновка Музеем марьяновских боёв [21].

В Туве действовал также один музей, основанный в 1930 году как государственный, а с 1954 года, после вхождения Тувы в состав СССР, получивший статус областного [22].

Приведение столь длинного перечня музеев оправдано не только стремлением конкретизировать

представление о музейной сети Сибири. Дело в том, что, несмотря на все последующие реорганизации, перепрофилирования, укрупнения и «разукрупнения», объединения и децентрализации, большинство из названных музеев сохранились и до наших дней.

Библиографический список

1. История Сибири / АН СССР. Отделение истории АН СССР. Сибирское отделение АН СССР. Институт истории, филологии и философии. — Л. : Наука. — Т. 5. — С. 202, 211.
2. ГАРФ. Ф. 10010. Оп. 4. Д. 231. Л. 1–20.
3. ГАРФ. Ф. 10010. Оп. 4. Д. 231. Л. 4–6.
4. ГАКК. Ф. Р-795. Оп. 1. Д. 44. Л. 77; Д. 50. Л. 1-3.
5. ГАРФ. Ф. 10010. Оп. 4. Д. 231. Л. 9.
6. ГАРФ. Ф. 10010. Оп. 4. Д. 231. Л. 3-12.
7. ГАКК. Ф. Р-795. Оп. 1. Д. 44. Л. 77; Д. 50. Л. 1; ГАРФ. Ф. 7901. Оп. 1. Д. 586. Л. 208; Ф. 10010. Оп. 4. Д. 319. Л. 8-9.
8. ГАИО. Ф. 2687. Оп. 1. Д. 6. Л. 89-90.
9. ГАРФ. Ф. 10010. Оп. 4. Д. 319. Л. 8.
10. ГАРФ. Ф. 10010. Оп. 1. Д. 231. Л. 1-20.
11. ГАКК. Ф. Р-2084. Оп. 1. Д. 169. Л. 72.
12. Сибирские огни. — 1952. — №5. — С.19.
13. ГАКК. Ф. Р-2084. Оп. 1. Д. 169. Л. 14; Л. 42–45.
14. ГАРФ. Ф. 10010. Оп. 4. Д. 333. Л. 1–15.
15. Алтайский краевой музей. — Барнаул, 1954. — 40 с.
16. ГАИО. Ф. Р-2687. Оп. 1. Д. 28. Л. 1; Оп. 1. Д. 49. Л. 4; Оп. 2. Д. 27. Л. 12-17; ЦДНИ Ю. Ф. 127. Оп. 31. Д. 12. Л. 20.
17. ГАТО. Ф. 1653. Оп. 1. Д. 147. Л. 1–2; Ф. 18. Оп. 1. Д. 154. Л. 241; ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 3573. Л. 64–65.
18. ГАРФ. Ф. 10010. Оп. 4. Д. 261. Л. 2–8.
19. ГАРФ. Ф. 10010. Оп. 1. Д. 314. Л.14.
20. Орлова, А.Н. Опытный плодово-ягодный участок Кяхтинского краеведческого музея / А.Н. Орлова, Р.Ф. Тугутов // Вопросы музейного дела. — М., 1952. — С. 94–99.
21. ГАРФ. Ф. 10010. Оп. 4. Д. 713. Л. 34.
22. ГАРФ. Ф. 10010. Оп. 4. Д. 231. Л. 4.